
в юродской простоте с улыбкой на губах
вишу я в пустоте сижу я на бобах
то душу подлечу — она и не болит
то к солнцу подлечу — оно и не палит
зимой — земля манит а небо — по весне
но всякий дерзко мнит что знает обо мне
и правду и враньё и вдовие вытьё
и явное житьё и тайное моё
а мне-то — от корней до маковки с птенцом —
самой всегда слышней — за сердцем за лицом
гул пламени стоит от ночи до зари —
так дерево горит бывает изнутри
оно как человек — сквозь нестерпимость мук
хотя б один побег любви пробьётся вдруг —
хотя б один листок окрасит хлорофилл

хотя б один цветок да будет миру мил
прозрения и боль страданье и грехи
всё вздето на глаголь всё брошено в стихи
огонь уж плавит плоть истлел телесный слой
увраж раскрыл Господь
читатель главный мой

только лягу на край как приходит голодный волчок
хватать за правый не то хватать зубами за левый бочок
и давай-ка мне сердце рывками да рыками рвать
заливая невидимой кровью диван мой кровать
ох отстань отвяжись есть послаще фибра помясней
вон чернавка храпит за мичуринцем ведайся с ней
там уж сам берегись в пасти клык словно нож мясника
да чумное дыханье да словно удавка рука
локтевому захвату завидует весь дагестан
знаешь братец кондратий останься ползи под диван
али я всяку живность поболе людей не люблю
али красного волка сердчишком-то не прокормлю

ох что ж вы так боитесь смерти
как заговорщики в омерте
молчите на устах печать
ну да назвать почти позвать
а мне она под дых впаялась
своё давно я отбоялась
мы вместе в стужу дождь и зной
она во мне
она всегда со мной

хлеб и вода

1. хлеб

не ешьте хлеба в нём свились (врач крякнул) три белковых группы
и никакие тоже крупы нельзя с такой фигурой ись
но хлеб особая беда всё что слепили из муки я
(жаль вам не жмёт целиакия) забороняю навсегда
для тела хлеб — могильный склеп где рыхлые бока и плесень
болезнен он тяжеловесен малогламурен и нелеп
вспухает словно на дрожжах жопень пупыристой опарой
и пара расстаётся с парой и жутко блещет на ножах
хирургов
ваша кровь
и жир
из потрошённых туш изъятый
бах как конфеты из пиньяты
летит и накрывает мир

.....
а знаешь врач что первый блин был испечён при неолите
(вот бы сказать им — посолите да всыпьте в тесто хмель и тмин)
не любишь дарвина — оф кос ему я не потатчик тоже

давай о том как змей пригожий невинной еве торт принёс
куда там яблочко с сучком сравнить ли эти две улады
а может и не торт не надо а бородинский с чесночком
да с салъцем (я своё отдам) жемчужно-розовым отлева
кто устоит какая ева а уж тем более адам

я в оно зрю — людскую плоть в день выходной слегка скучая
за чашкой утреннего чая из мякиша слепил Господь
чу среди ревностных — «ах-ах» как будто вы там лично были
что прах земной — немного пыли мука ведь это тоже прах
и порох — дуй в лабаз где лярд и борошна хранятся сухо
да чиркни спичкой вспыхнет мухой бабахнет чисто склад петард

прелепо вышло у Творца легло в ладони так плодово
что раньше было хлеб иль слово я буду спорить до конца
инь ян хи ши иль эль люй лей эль элла он она — супруго
переливаются друг в друга слепившись парой кренделей
живые дрожжи жениха воздымут верх дежи-невесты
раз-два замесят тили тесто и вот он — новый без греха
ты врач понюхай малыша что только вынут из мамчёны
так пахнут свежеиспечённо его и тело и душа

давай пропустим пару эр самоуверенный мой лекарь
где вечна пара пахарь-пекарь хоть в сомали хоть в ссср

особенно в голодный год или когда война — и плужья
все перекованы в оружие а в поле плевел да осот
как расскажу как мне посметь как растерзаю на стихи я
юдоль где тиф и дистрофия и смерть и смерть и смерть и смерть
ты лекарь спой про вредный хлеб бесплотным детям ленинграда
тем кто прошёл все круги ада кто от байды обойной слеп
кто нёс блокадные куски — жмых хвоя пыль из мешковины
кляк на солярке керосинной и только на процент муки —
на сердце грея как мишень своим почти безгрейным телом
бежал петляя под обстрелом
чтоб жизнь родных продлить на день

.....
а после доктор — в дивный край где родилась я в край цветущий
где краше райских зрели кущи украина — чисто каравай
награда Божья за труды хлеб-исполин на блюде мира
где в бело-розовых зефирах вишнёвых облаков сады
где ночью раз в тридцать девятом два людоеда в предвесне
(рассказывала мама мне) подкоп под бабушкину хату
ругаясь рыли
съесть детей — ей шесть двенадцать тёте наде —
(пир мантихор) и съели б ляди да выскочил бирюк матвей —
шмальнул картечью от крыльца потом ещё раз с матюками
и те попадали тюками словив в предсердия свинца
взял за ноги стащил в ярк метель прошлась метлой по следу
и не было суда соседу село молчать взяло зарок

да врач
ещё за колоски по пресловутому «семь восемь»
попавших в лагерь дай-ка спросим пусть из-под гробовой доски
ответит дядька мой степан пусть отзовется юный старый
суровой нитью он на нарах пилил обтёрханный кусман
не детский срок пусть даже треть таскал брезентовую робу
но клешнерогую хворобу там нажил —
в муках умереть

.....

и мне случалось хлеб украсть я знаю что такое голод
так есть охота если молод а уж кормящей маме страсть
дыра в подкладке брешь в аду (хоть хорошо что не попалась)
четвертачок такая малость щип щип и нет пока дойду
я ж лимита дитя дулеб — девчонки тырили с завода
байкал саяны выпьем воды сдадим бутылки купим хлеб

.....

перебивались горько мы потом с сынком по коммуналкам
общагам квартирёнкам жалким особенно среди зимы
и нечего бывало есть
зато болезней — как подарков
и прободенье язвы марку всего в неполных двадцать шесть

.....

полвека есть что есть учусь
но наступает день воскресен
мне провиант телесный пресен — всё одинаково на вкус

ведь ныне —
мой московский док собрат спартанского эфора —
через всецелую просфору со мною единится Бог

«Я есмь хлеб жизни... Хлеб, с небес сходящий — и его ядущий
да не умрет... Вовеки сущий Я хлеб живой, Я хлеб чудес...»

алтарный артос и кулич папошник козунак и паска
на живодательной закваске
пасхальный хлеб душе величь
цурек вейкюхен симнел кейк гата как названо армянам
хлеб двести двадцать раз помянут в глаголах Библии моей
особо мне тот случай мил когда всего пятью хлебами
да парой рыб с крутыми лбами Христос пять тысяч накормил

Он завещал нам «Аз воздам» и я смирившись с медициной
сдаю запас биомицина а хлеб пускаю по водам

2. вода

теперь моя еда — вода

я лишь на вид варёная треска
внутри загляни — стеной стоят войска
ежатся копыя смертным серебром
чекан у каждого заточенный ребром
сквозь щели шлемов — острые глаза
их сталью можно головы срезать
онагр за ними и снарядов ряд —
из сухожилий скрученный канат
моих

кривая рама из крестца
на крючьях — шкурки чёрного песка
так враже не ведись на пухлость губ
я ветеран кровавейших заруб
и мягкость всяких мест
взгляд голубой
всё то ж оружие
выходи на бой

девочки

посвящение

всем тем кого люблю в ком часть меня живёт отчаянным девичьим жадным всплеском
кто презирая страх и корчась и кляня что ночи тянется к потёртым занавескам
и чуда ждёт хотя уже с трудом вдруг домофон взорвётся тайным кодом
и голоса наполнят стылый дом тех уходящих с каждым новым годом
и возвратится смысл и яркий свет и жизнь задвигается в счастливой круговерти
но ничего за занавеской нет лишь лунный блик на инструменте смерти

1.

ах эти бабы бомбы в мини-юбках лосинах стрейчах майках до пупа
рабыни перекиси хны и мясорубки пустых надежд дроблёная крупа
быт исполняют как устав армейский от сих до сих отчаянья кураж
в книжонках лживых сериалах женских черпают счастья пафосную блажь
они особенно заметны буйным летом улыбок взглядов жадные крюки
и в плоть впились витые сандалеты как у лахудры из «брильянтовой руки»
вослед вам цокают и вахают кавказцы что жадно лакомы до этих полных тел
на икрах подлого тромбоза метастазцы на шее ожерелок загустел
за платьев самопал и дрань ботинок за унижений до хрена диапазон
воздал вам сторицей в полтос китайский рынок род чертогона чёрный черкизон
над вами тешатся рублёвские пейзажи с презреньем глядя как закрывши огурцы
с щемящей детскостью вы радуетесь дряни шанель из польши мех из стриженной овцы

смешными кажетесь юнцам и их подружкам не верят глупые что молодость обман
трещотка яркая недолгая игрушка труха завернутая в яркий целлофан
у вас она была почти что нищей почти святой в библейском бытии
мои ровесницы красавицы бабищи мои родные девочки мои

2.

девочки-левочки за пятьдесят джинсы стрижка девайсы очки
лифчика нет— значит просто доска если в — значит вислые дыньки
флаероноски в обносках своей расписной садомазо гордыньки
герыч отчаянья вдрызг по ночам разрывает нутро и зрачки
выросли дети ушли отвернулись кто так кто с презрением поправ
всё что вы им столь старательно в темечко долго долбили
вас ненавидят все те кого вы изуверски по фрейдю и спокю любили
куры идейные с бзиком за право бороться за равенство прав
по площадям и пикетам толчётесь оставив неприбранный кут
где дожидаются «мамочку» пёс и плешивая кошка на кресле
ждёте чудес вот бы вдруг кастанеда немцов элвис пресли воскресли
ну или кого там такие теперь очумев от ненужности ждут
видишь ли Господи слёзы и этих несчастных с высоких небес
сглянься над их нищетой непонятной ведь жаль их аж корчится сердце
дай им утешиться чьей-то любовью немного согреться
не по своей они воле в астрально-физический влипли замес
в мае не знаю зачем так терзают мне душу твои соловьи

плачу за всех нас весенне повапленных жажду спасенья
всем
ведь суббота о чуде настала и ждут Воскресенья
бедные девочки дуры родные ровесницы сестры мои

война

она всегда со мной — война она иглой в крови гуляет и хлеб насущный отравляет и скалится с ночного дна а я внутри веретена живу кручусь петля — неделя и нить прядётся из метели для гробового полотна уж кажется куда мирней мои печали и заботы — ждать когда сын придёт с работы да быть в фейсбуках поскромней да для тепла палить мосгаз в прах выжигающий мне душу да прятать потроха и тушу подальше от враждебных глаз
и улыбаться — не беда мол всё пучком крапивы шпаркой молиться радуясь — о да — чужому счастью как подарку и одеваться в пустоту несбывшихся мечтаний платья и падать чуя кровь во рту в бессонниц тяжкие объятья
пугать рыданьями кота с чего бы
слышишьза стеною — я чувствую — проходит та что миром названа войною
и юноша лежит вдохнуть хотел он воли гуляй-поля и мать припав к нему на грудь зовёт от горя корчась
Коля

валентинка михайлу т

в тюрьме ему явился херувин такой весёлый голый толстопятый
на миску сел сказал здоров ребята михай ответил блин я тут один
а херувин михаю подмигнул — давно вина не пил чё киснешь дядя
давай махнём портвухи на ночь глядя михай крутнулся и кадык сглотнул
не — мне нельзя я сразу тыц ножом мозги в гузно и ничего не помню
да ладно за рекой каменоломню бабманин сад смехульку с куражом
серёжки у неё как леденцы так и хотелось их лизнуть по-детски
дитя барачных хомырей донецких горбушка серого с присыпochкой сольцы
ну рви метан

михай полез в забой — нет стылой мглой штрек памяти окутан
и вдруг в одну инфарктную минуту всё обновилось в клетке стволовой
увидел — валечка соседская бежит с корзиной яблок сколько ей пятнадцать
щенок пред нею хопя кувыркатся в пыли юзжит от радости визжит
а у девчули ножки-бутылки загар июльский так медово гладок
меж грудок найсолodшая из складок хоть все такие складочки сладки
а вдоль штахет дурмана бубенцы и поздних мальв бесстыжие тычины
и шалый смех девичий без причины и да — в ушах серёжки-леденцы
михай тогда был крут башка ежом весь романтичный после крестной ходки
но сбит как хлопчик первой стопкой водки поплыл поплыл вираж за виражом
так перемкнуло словно смерти нет такие страсти — что ни день в сторонке
курил петух — моржовые коронки лосины бабские и бархатный берет

завидовал и шурился — uncouth — хотя куда там древним роме с юлей
и ныл шибая запахом цыбули the course of true love never did run smooth
ещё love looks not with no нет куда веронской лаве супротив славянской
донецкой юзовской чермной дикополянской которой здесь насыщена руда
в таком прикиде долго ль до беды больного подловили дядю вилю
сломали ногу рёбра раздавили и вырвали из уха шмат голды
от с...ка-память вдруг пахнуло псиной знать врут что жизнь не повернуть назад
михай увидел вновь старинный сад где ветки опускались им на спины
коленей яблоки округлое плечо и небо в падких до безумцев звёздах
горячий рот хватал сентябрьский воздух она умела целоваться ну и чо
на пятые путя подай одру орал диспетчер с близкого вокзала
а змейка-молния на джинсиках кусала нетерпеливых пальцев кожуру
что дальше он без мата ведь не мог всё описать без грязных слов поганых
как их валило наземь словно пьяных и пробивал сквозь пах высокий ток
он яблук валиных антоновку ловил листва волос лилась щекотным ливнем
и был михай тогда щенком счастливым тем что пред ней раскрыв живот юлил
жар тел вокруг воспламенял траву пожухшую всё полыхало алым —
и оттого не в срок заря вставала как будто ночь разорвалась по шву
на майских в загс повязан так сказать хотел на шахту хоть считал позором
но сердце вора остаётся вором пусть даже тот поклялся завязать
ну сняли хату на артема быт новье неделю свадьба жри да пей гуляла
тогда ещё страна не отдупляла что ждёт в ближайшем будущем её
валюшка ладом гнёздышко вила ковры купила с люрексом фиранки
и вся как камушек в антверпенской огранке сверкала радостью пока не родила

малец-то сразу было видно не жилец врачи сердились и кривили лица
она рыдала бегала топиться да запила и смолкла наконец
но эта немота скорбящий сбой ещё несносней показались для михая
он бил жену и мука затихая давала сил её терпеть рядом с собой
тут девяностые пошла переть братва вору без крыши в беспределе делать неча
спытают чей ты да поучат покалечат он стал бойцом у кушнира сперва
вдруг перекинулся как в мареве дурном рэкетовал у папы доброслава
а валя всё уж — беспонтовая шалава с тех пор как он свалил за паханом
в луганский край бандитский чумовой полез под самые да под шальные пули
как будто мозг в цемент ему макнули совсем дурак с бажбанной головой
забыл и мать и пьяницу-отца тот третий год в паралике валялся
остервенел над теми изгалялся кто беззащитен был как сельская овца
стал душегубом — так тому и быть достичь во зле до адской тьмы в финале
статьи всё тяжкие от девять три и дале когда раз плюнуть и дитя убить
ведь хочь не хочь а руки замарай ножом кастетом битой автоматом
и после бойни в билоскэлюватом михай подался в западенский край
там балоганы чёрный беспредел свои дела в бандеровской макитре
зато всегда при сале и поллитре здоров как бык вот только поседел
особо он возненавидел баб и всякой — проститутке иль монашке
в разборках мокрых не давал поблажки а то ж братва подумает что слаб
он сам-то лютой смерти заслужил давно ещё когда сгубил валюту
тогда он предал продал чёрту душу и дальше жил да разве ж это жил
а слухи долетали что война пришла на родину михай бы мог вернуться
и искупить или уже б загнуться ведь вся нутряга мерзкой тьмой полна

но гурт на польшу понесло бардзо порвали шкуры звыролям ляхивським
всё ближе ад и вот он здесь в чорткивським блок для пожизненных подземное сизо
с ума сошёл — глядите кто прилез румяный чисто начтюрмы на паску
счас вырвет жабры как рыбак подъязку ну заслужил потерпишь пээлэс
та на катуи

а смрад вокруг густей забило кровоход обратной тягой
и он заплакал тёмно-красной влагой что прожигала щёки до костей
тут херувин вдруг прыг майнул назад мазнул по стенке тельцем неодетым
и видит узник что преграды нету и можно выйти прямо в старый сад
где яблоки по осени гуп гуп стучатся лбами в свежий холм могильный
где в изголовье крестик бесфамильный хлеб и гранёный с отпечатком губ
а это что в траве спаси Господь серёжка с камушком блестящим как конфета
знак вечной жизни указатель света — там валечки измученная плоть
он тихо лёг на землю вниз лицом как клал других под пистолетным дулом
и под лопатку яблоко толкнуло так больно будто стрельнуло свинцом
михаево распалось естество и вверх ушло как из руки разжатой
ну с праздником сказал вослед крылатый теперь ты не забудешь ничего

прим.

Хомыри (сленг донецк.) — задворки, окраины

Штахеты (там же) — доски забора

Uncouth (англ.) — грубый, неотёсанный, дикарь

the course of true love never did run smooth (англ.) — путь истинной любви никогда не был гладким. Шекспир «Ромео и Джульетта»

love looks not with eyes — любовь смотрит не глазами, [а умом]. Шекспир «Сон в летнюю ночь»

Черной — багровый, тёмно-красный, кровавый

Голда (блатной жарг.) — золото, Шекспир носил в ухе золотую серьгу

Одра, одр — электропоезд серии Ор, ходивший в Донбассе

Фиранки (донецк. сленг) — занавески

Спытают (там же) — допросят, спросят по понятиям

Улица Артёма — одна из центральных улиц Донецка

Огранка розой (ювелир. термин) — фасетная огранка без площадки и нижней части. Вариации огранки розой используются с XVI века и, в зависимости от числа и формы фасет (*фр. facette* — *грань*), делятся на «голландскую», «антверпенскую», «полуголландскую»

Кушнир, Евыгений — один из главарей донецко-луганской группировки девяностых

Рэкетовать — заниматься рэкетом

Паралик — паралич

Доброслав — Валерий Доброславский, один из криминальных авторитетов Луганска, расстрелян бандитами в 1987 г., предположительно по заказу Кушнера
В начале 80-х годов имел силу УК УССР от 27.10.1961, в котором 93 статья — «Умышленное убийство одного или нескольких лиц», а дале — «Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах»

Белоскелеватое (укр. Білоскелювате) — село в Краснодарском районе Луганской области, в транскрипции звучит именно так, как в стихотворении

Макитра (укр.) — посуда, в которой особой деревянной штукой (макогоном) трут мак, чеснок, орехи и пр.

Балоганы — самонаименование одной из ОПГ Западной Украины, см. <http://cipro.com.ua/persons/?p=67640/>

Бажбанный (уголовн. сленг) — дурной

Звыроли (польск.) — звери, зверские бандиты

Чорткивский следственный изолятор (в г. Чорткив) — СИ в Тернопольской обл., ул. Леси Украинки, 3, имеет блок для пожизненно осуждённых или плс — пожизненно лишённых свободы

Катовать (старинное русск.) — пытаться

знаешь мама не так-то уж трудно дышать твой вопрос твой простой эпикриз заставляет меня нежной ложью шуршать как обёрткой конфетки кис-кис всё нормально я просто по жизни бегу ветром бьёт прямо в сердце беда но к тебе хоть куда одним духом смогу без оглядки примчаться всегда всё прекрасно я просто сбываться спешу вырвать сорных страданий траву и поэтому так учащенно дышу и в метро задыхаясь реву всё чудесно уж мне ли не знать в чудесах обретённый нечаянно толк я бегу будто стрелка бежит на часах я бегу как обложенный волк всё отлично и я достаю вентолин затаюсь словно хлопну стопарь и опять в добрый путь среди бензинных долин вечно странница вечно агарь ой наташа опять тебе трудно дышать нет легко я свободно дышу а как долго дышать только Богу решать я сама не дышать не решу мама ты не поверишь но в астме есть свой непонятный здоровому смысл механизм *respiratio* дарует сбой по сакральному замыслу числ и тогда вспять идёт в венах кровь и вода обнимает до самой души гибнут страны и вновь восстают без труда в странном мире очкастой левши непрерывный восторг задыхаясь ловлю красным воздухом вужизнь пьяна как же я эту камфору-осень люблю по судьбе медсестра мне она я ещё подышу сухожаром степей ледяным керчаком полюсов я ещё повдыхаю макушки детей гарь и прель среднерусских лесов силу мая вберу в разветвления бронх по болгарской скитаясь земле и вьетнамский пропахший тунцом хайдыонг и французский *saveur* божоле мама я научилась ценить кислород только так через спазм альвеол

и дыханье с хрипящей вселенной рот в рот и взрывающий горло укол
через страх что последним мог стать каждый вдох так позорно в слезах и соплях
через то что одна лишь сама я и Бог видим в cerebro-тайных щелях
нет не думай что ты виновата мой свет хоть на маково в чём-то зерно
ничего ничего в моей памяти нет что прощеньем не озарено
ты мне родина ты сокровенный исток с каждым днём все сильнее любя
я в молитвы дочерней охранный платок нежно кутаю мама тебя
навсегда я дитя и по-детски чиста я у ног твоих вечно сижу
успокойся же
слушай
устах Христа
выдох-вдох
я дышу
я дышу

о владимире чурилине

он родился в курской области во деревне во цыганке
на пеплице скифской доблести от цукана и саянки
стать поэтом предназначено было парню по подряду
вдрызг судьбу переиначивал всё же вышло так как надо
был собой красавец с виду он брови чёрные по нитке
да в морской пехоте выдублен да прокатан на магнитке
и пошли стихи калёные где кипела жисть весельем
как гулял до зорь с алёнами упивался крепким зельем
как работал аж урал столбом как читал до помраченья
да упёрся ровно в стену лбом в карламарксово ученье
как отринул слёзы мамины что молилась пред иконой
мне не нужен Бог я каменный я не стану бить поклоны
не нужна защита сильному я ничейный из ничьёва
павла он любил васильева да могучего ручьёва
тот убит тот ложью раненный в муке свил на зоне думы
как в порту угрюмом ванино шли на борт в гнилые трюмы
вот уж сложено так сложено песня-стон отцова участь
что же судьбы подытожены и тебе пора помучась
слишком тихо время двигалось скажет строчкой если спросим
а теперь хоть душу выголось
так уходят в сорок восемь

я — та ещё этнографическая глина
основа жизнедавчего кувшина
где примесей кровавых до хрена
кружит по венам корогод старинный
шопен даёт дрозда шампанским винам
шевченковская пляшет катерина —
и не она поверьте мне одна

ах в дерзкой юности мечтала я бывало
что я губастенький потомок ганнибала
и гены гения в кудрявой дээнка
как диво-лебеди сплетясь любвеобильно
слова лабают сладостно-лабильно —
а мне на мозг как бы на кнопки в мобильном
лишь нажимает некая рука

глубок недуг но лечится — отчасти
настояем горьким одиночества в несчастьях
наждак потерь опять же дружбы криз
да капельницей лет — родной сестрою
часов песочных что ночной порою
секунд икру — чуть я кувшин раскрою —
с созвездий осетриных мечут
вниз

и что бы мне не насладиться жадно
икринкой каждой рыбно-виноградной
в надтреснутый кувшин набрать вина
упиться вусмерть куражом весёлым
и дышащим в затылок новосёлам
в крови которых спрайт да пепси-кола
устроить — разбегайтесь вот она

но нет —

я всё в слова

переливаю

жизнь отдаю — и снова оживаю